

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Р.Т. ФАХРИСЛАМОВА

ФЕНОМЕН ЖЕНСКОЙ БЕЗДЕТНОСТИ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Аннотация. За последние 200 лет рождаемость в нашей стране претерпела серьезные изменения, в результате изучение бездетных как группы населения вызывает у исследователей немалый интерес.

Цель данной работы — изучение женской бездетности как социального феномена, причин и условий ее распространения в российском обществе. Благодаря трудам социальных историков, врачей и демографов была охарактеризована сущность феномена бездетности в России. Используя результаты переписей населения 2002 и 2010 годов, мы проследили изменение доли бездетных среди женщин разных возрастов и поколений.

Как показал анализ, такие женщины были всегда, однако наряду с их количеством менялось и отношение к ним в обществе, и причины бездетности. В любом поколении, в разных эпохах главной из них выступало безбрачие, но роль этого фактора менялась на протяжении всей демографической истории.

Проблема женской бездетности в современной России имеет тенденцию к нарастанию, особенно в городской местности. Кроме того, обнаружилась региональная дифференциация в уровне бездетности, что ещё раз свидетельствует о диверсификации ее причин и факторов.

Во второй половине XX века влияние недемографических факторов (война, голод, социально-экономические потрясения) на уровень бездетности практически было сведено на нет. Развитие репродуктивной медицины, эффективное лечение бесплодия способствовали увеличению количества женщин, сумевших родить детей. На современном этапе наблюдается рост числа добровольно бездетных, что может быть отражением как временного, так и окончательного индивидуального выбора.

Фахрисламова Розалия Таштимеровна — аспирант, Институт демографии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Телефон: 8 (916) 809-93-96.

Электронная почта: rfakhislamova@gmail.com

Ключевые слова: бездетность, безбрачие, рождаемость, брачность, бесплодие.

Существование бездетности как социального феномена в длительной исторической перспективе не вызывает сомнений.

Бездетность, по определению демографов, может быть следствием как инфертильности, так и смерти детей. В свою очередь, инфертильность может быть следствием как бесплодия, так и намеренного отказа от рождения детей [1, с. 33]. В англоязычной литературе бездетность (*childlessness*) определяют как состояние существования без детей и выделяют собственно два ее типа — добровольную (*voluntary*) и вынужденную (*involuntary*) [19, с. 1332].

Бездетность непосредственно связана с рождаемостью. Неизменным и «святым» в течение многих веков в демографической истории России, как и других стран, было традиционное триединство матримонимального, сексуального и прокреативного поведения людей [5, с. 25]. В контексте бездетности это означало, что человек, который не вступит в брак, с большой вероятностью останется бездетным. Еще советский демограф Л.Е. Дарский писал, что распространенность безбрачия — один из основных параметров брачности, сильно влияющий на рождаемость [7, с. 31].

Для европейской России на протяжении XVIII – начала XX в. было типично раннее и почти всеобщее вступление в брак. Это было одной из наиболее характерных черт традиционного матримонимального поведения, неразрывно связанного с особенностями крестьянского быта, со всем тысячелетним укладом жизни русского аграрного общества [6, с. 113]. Согласно данным социального историка Б.Н. Миронова, в конце XVIII – 1-й пол. XIX в. всего около 1% мужчин и женщин никогда не состояли в браке к возрасту 60 лет. Это почти совпадало с долей инвалидов (слепых, немых и глухонемых) и психически больных в 1897 г., равной 0,9% от всего населения [12, с. 172].

Соответственно, мы предполагаем, что доля бездетных также не могла значительно превышать эти цифры. По данным первой всеобщей переписи населения Европейской России 1897 г., лишь 4% мужчин и 5% женщин никогда не состояли в браке к возрасту 45–49 лет. Наиболее низким уровень безбрачия был у крестьянства, составляющего подавляющее большинство населения: 3% и 4% соответственно, тогда как в городах он был существенно выше: по 10% среди мужчин и женщин [15, с. 140].

Как отмечает Марк Тольц, отличительной чертой брачности городского населения в России, по сравнению с сельским, с конца XIX в. был более поздний возраст вступления в брак. Расчетный

средний возраст вступления в первый брак для женщин составлял 21,2 года на селе и 23,1 года — в городе. Особенно значительно различался этот показатель у мужчин: 23,5 и 26,6 года соответственно [15, с. 140]. По сути, откладывание браков и приводило к временному безбрачию, иногда переходящему в пожизненное. Эти процессы могли приводить и к росту количества бездетных. К сожалению, прямых сведений о числе бездетных женщин нет, поэтому уровень бездетности в это время мы можем оценивать лишь косвенно.

Наряду со сказанным брак считался священным, и рождение детей было его обязательным условием. Об этом свидетельствуют многочисленные упоминания писателей, социальных мыслителей, а также устное народное творчество¹. Люди не имели четкого представления и каких-либо знаний о том, что существует физиологическое бесплодие и чем оно может быть вызвано. Бездетность воспринималась как судьба, злой рок, и с этим нужно было просто смириться [13, с. 97]. По сведениям историков, часто полагали, что бездетность связана с порчей, «наведенной» на женщину. А мужчина не мог считаться бесплодным, в этой «бед» всегда обвинялась жена [8, с. 159]. Традиционные убеждения, которые сформировались на фоне высокой смертности, были впоследствии подкреплены религиозной догматикой и составили неотъемлемую часть этических систем, господствовавших у большинства народов [8, с. 159]. Дети, особенно мальчики, считались наградой судьбы, рождение каждого ребенка — благословением Господним. Соответственно, малодетные ощущали себя ущербными, а бесплодные — неполноценными².

¹ Например пословицы: «Бездетный умрет, и собака не взвоят»; «Живешь — не с кем покалякать; помрешь — некому поплакать»; «Семья без детей что цветок без запаха»; «Семья без детей — что часы без гирьки»; «Женщина без ребят — пустая бочка с тряпками»; «Дом с детьми — базар; дом без детей — могила» и т. д.

² В отличие от России, чертами западноевропейского типа брачности было позднее вступление в брак и значительная доля лиц, никогда не состоявших в браке [3, с. 7]. По свидетельству Джона Хайнала, «в Восточной Европе менее 5% женщин оставались незамужними к 50 годам, тогда как в Западной Европе эта доля составляет как минимум 10% и во многих случаях 15%». В Португалии и Швеции эта доля равнялась почти 20%, в Исландии — 29% [17, с. 18]. Хайнал объясняет подобную картину развитием капитализма и протестантской этикой. Поздние браки способствовали росту благосостояния, но могло быть и наоборот. К тому же в рамках такого типа брачности незамужняя жизнь взрослых женщин воспринималась как нормальная альтернатива браку (хотя и не удел большинства). В Восточной Европе эта альтернатива едва ли существовала. По мнению Хайнала, различия между двумя типами брачности сохранялись вплоть до 1940 года. После Второй мировой войны в

В связи с развитием капитализма в жизни российского общества обнаруживаются новые явления, которые не миновали и семейную сферу. Изменения брачной модели начались в городе в первой половине XIX века. Миронов называет инициаторами перемен образованные слои населения, в первую очередь дворянство и духовенство, поскольку именно у этих групп начинают снижаться показатели брачности и рождаемости [13, с. 177]. Именно город и те возможности, который он предоставлял, давали людям свободу действий, именно здесь происходит разделение сексуального и матримониального поведения.

Постепенно изменения начинают проникать и в жизнь деревни. Товарно-денежные отношения, расширение неземледельческих занятий, развитие отхожих промыслов и многое другое нарушали тысячелетнюю замкнутость сельской жизни, подрывали сложившуюся культурную систему, лишали смысла многие традиционные ценности, выдвигая на их место другие [6, с. 114]. Сельчане-отходники знакомились с городским образом жизни и возвращались домой с «новыми» знаниями.

А.Г. Вишневский приводит множество свидетельств того, что в русской деревне, по крайней мере до конца XIX в., внутрисемейное регулирование рождаемости, хотя и не было совершенно неизвестно, но делало лишь самые первые шаги [6, с. 127]. Однако сколь угодно эффективные методы предотвращения зачатия или плодоизгнания не проникли в деревню еще и к началу XX в. [6, с. 126]. Исследователи не исключают, что средства народной медицины контрацептивного или абортивного действия были знакомы крестьянам издавна, однако, полагает Вишневский, степень этого знакомства не стоит преувеличивать. О.П. Семенова-Тян-Шанская приводит факты о случаях детоубийств, стремлении избавиться от детей, незаконно прижитых либо в отсутствие мужа, либо незамужними, причем крестьянки использовали в основном механические способы [13, с. 181].

Рост подвижности крестьянского населения также вел к частым и порой длительным (от года до пяти лет) разлукам супругов, которые в период их наиболее высокой плодовитости не могли не снижать вероятность зачатия, а стало быть, в конечном счете, и уровень рождаемости. Существует предположение, что и знание методов регулирования рождаемости проникало в деревню благодаря отходникам. Врач Д.Н. Жбанков, используя данные за 1866–1883 гг., выяснил, что в волостях с развитым отходничеством женщины обыкновенно рожали

большей части европейских стран происходит брачная «революция»: люди стали вступать в брак раньше и чаще, чем прежде. Соответственно в эти годы сокращается и доля бездетных женщин.

через три-пять лет, хотя мужья ежегодно на два-три месяца приходили домой, а в волостях «оседлых» — через один-два года [13, с. 187]. По сведениям Жбанкова, в 1880-е гг. в Ярославской губернии, где 37% взрослого населения занимались отхожими промыслами, в среднем крестьянки впервые рожали спустя 2,9 года после вступления в брак, в то время как в земледельческих губерниях — на первом году брака [13, с. 186].

Наиболее ценными для нашего исследования представляются данные Д.Н. Жбанкова о совсем нерожавших женщинах, то есть о бездетных. Так, в «отходнических» семьях совсем нерожавших женщин насчитывалось 11%, а в «оседлых» — 3% [13, с. 186]. По мнению врача, это дает веские основания для заключения, что мужчины-отходники приносили из города знания о том, как не допускать зачатия. Эти знания они могли черпать у городских проституток, которые были экспертами в этом вопросе. Кроме того, это могло быть и прямым следствием приносимых мужьями из города венерических заболеваний, таких как гонорея.

Используя разные источники, свидетельства современников и обобщая, Миронов приводит следующие факты, характерные для пореформенного времени [13, с. 183]: 1) возрастало число незамужних женщин, вступавших во внебрачные половые связи; 2) расширялись возможности скрыть факт беременности и внебрачного рождения ребенка как от родственников, так и от священников; 3) среди старообрядцев, католиков, протестантов, иудеев и мусульман женщины, не состоявшие в браке, но рожавшие детей, не осуждались столь сурово, как среди православных, а их дети не дискриминировались в той же степени. В целом наблюдалось определенное изменение менталитета в сфере брака: люди стали снисходительнее относиться к безбрачию, откладыванию вступления в брак, разводам [13, с. 183].

Принято считать, что если общая рождаемость составляет 40–50 детей на тысячу человек в год, то брачная плодовитость находится на физиологическом пределе, и что сознательного ограничения женщинами числа рождений не существует [13, с. 181]. Но практика регулирования рождаемости начинала сказываться на демографических показателях. Так, рождаемость в Петербурге с 1861–1865 по 1911–1915 гг. упала с 38 до 26 детей на тысячу человек в год. В Москве этот показатель уже в 1867–1880 гг. составлял всего 23 ребенка на тысячу, но, в отличие от Петербурга, к 1911–1913 гг. повысился до 29 вследствие огромного притока крестьян. Снижение уровня рождаемости свидетельствует о том, что она стала регулироваться. Об этом также говорит тот факт, что общая и брачная плодовитость в Петербурге имела не только межсословные, но и внутрисословные отличия [13, с. 186].

Именно распространение откладывания рождения детей в браке, пусть и на короткий срок, более позднее вступление в брак ведут к увеличению бездетного периода в жизни молодых женщин и мужчин. Интересно высказывание Диксона Рута о том, что чем более широкий выбор предоставляет общество (то есть чем больше возможностей оно создает для образа жизни, не связанного с браком и деторождением), тем менее обязательным становится брак [9, с. 46]. Желательность брака, по мнению Рута, представляет собой переменную, которая должна характеризоваться какими-либо санкциями за позднее вступления в брак или безбрачие, такими как санкции за бездетность — социальная изоляция, или моральное осуждение и потеря возможности экономической поддержки и продвижения вверх по социальной лестнице для женщин [9, с. 47].

Что же происходило с бездетностью в нашей стране за годы советской власти? Непосредственных исследований на эту тему нет. После Октябрьской революции на уровень рождаемости оказывал влияние ряд исторических факторов: Гражданская война и интервенция, НЭП, индустриализация и коллективизация, голод в Поволжье в 1921–1922 гг., Великая Отечественная война, период восстановления [16, с. 8].

И государственная статистика, и исследования многих советских и российских демографов свидетельствуют о том, что в каждом последующем поколении среднее число детей, рождаемых женщиной за всю ее жизнь, неуклонно уменьшается. И это уменьшение происходило одновременно с изменением календаря рождений. Происходит непрерывное уменьшение доли женщин, родивших семь и более детей, за счет этого сначала увеличивается доля матерей с шестью, пятью, четырьмя и тремя детьми. Но постепенно и их доля также начинает снижаться. Непрерывно увеличивается доля только двух категорий женщин — родивших двоих и одного ребенка, при значительном перевесе вторых, особенно начиная с поколений матерей, родившихся во второй половине 1920-х годов. Наибольшей стабильностью отличается такой показатель, как доля женщин, не родивших за свою жизнь ни одного живого ребенка [2, с. 177].

Рост доли бездетных женщин, существенно превышающий уровень первичного физиологического бесплодия³ в когортах, родившихся в первых десятилетиях XX века, демографы объясняют нарушениями возрастнополовой структуры населения вследствие социальных потрясений и, соответственно, неблагоприятной ситуацией на «брачном рынке», а возможно, и изменением возраста вступления в первый брак [2, с. 177].

³ По данным ВОЗ, в среднем около 5% популяции бесплодны в силу анатомических, генетических, эндокринных, иммунологических факторов.

Наиболее полные расчеты и, впрочем, единственные за длительный промежуток времени сделал российский демограф С.В. Захаров (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение женщин из поколений 1868–1968 годов рождения по числу рожденных детей к возрасту 50 лет, %

Годы рождения поколений	Доля женщин, родивших детей:							
	0	1	2	3	4	5	6	7 и более
до 1874	5	2,5	2,9	4,8	6,5	8,2	9,3	60,8
1874–1878	5,3	3,1	3,2	5,9	7,3	10,2	10,1	54,9
1879–1883	5,5	3,8	5	7,1	8,1	11,6	10,5	48,4
1884–1888	6	4,4	6,3	8,1	9,1	12,1	10,6	43,4
1889–1893	6,5	5,5	8,7	9,8	10	12,3	10,7	36,5
1894–1898	6,8	6,5	9,3	10	11,1	12,1	10,3	33,9
1899–1903	7,7	8	11,6	12,2	12,3	11,2	9,5	27,5
1904–1908	9,4	11,5	15	15	12,6	10,5	8,2	17,8
1909–1913	11,3	17,3	21,4	17,1	11,4	8,1	4,8	8,6
1914–1918	12,5	21	24,2	16,5	9,7	6,3	3,7	6,1
1919–1923	14,1	23,7	27,3	15,5	8	4,9	2,6	3,9
1924–1928	11,8	22,5	32,4	16,4	7,4	4,3	2,1	3,1
1929–1933	9,5	23,2	37,5	15,8	6,2	3,6	1,7	2,5
1934–1938	8	26	42,1	13,8	4,4	2,7	1,2	1,8
1939–1943	7,9	27,3	43,4	12,9	3,7	2,3	1	1,5
1944–1948	8,1	29,9	45,1	11	2,7	1,5	0,6	1,1
1949–1953	7,1	27,7	47,9	12,3	2,6	1,4	0,5	0,5
1954–1958*	6,7	26,5	48,6	13,5	2,6	1,3	0,4	0,4
1959–1963*	7,5	29	49,3	10,5	2,1	1,2	0,2	0,2
1964–1968*	8,5	37	43,8	8	1,5	1	0,1	0,2

*Предварительная оценка.

Источник: неопубликованные данные переписей населения 1979 и 1989 гг. и скорректированные С.В. Захаровым данные репрезентативных выборочных обследований ЦСУ СССР 1960, 1967–1968 гг.; экстраполяция и интерполяция расчетов С.В. Захарова.

Если мы проанализируем изменение доли женщин, не родивших ни одного ребенка, для поколений 1868–1958 гг. рождения, то действительно отчетливо увидим влияние внешних, не демографических факторов на увеличение этой доли. В послевоенные годы уровень бездетности уже снизился. В то же время всегда существовали и бездетные браки. Научное сообщество признает, что бесплодие затрагивает от 3% до 5% супружеских пар [18].

Вероятнее всего, уровень бесплодия оставался практически неизменным для многих поколений российских женщин. С.В. Захаров оценил долю бездетных семей для когорт женщин 1900–1964 годов рождения и показал, что она превысила 5% для вступающих в брак в 1925–1949 гг., а в остальных поколениях была ниже. Можно предположить, что в тяжелые военные годы количества бесплодных мужчин и женщин выросло. Кроме того, это уже могло быть сочетание сознательной бездетности, регулируемой абортными, и откладывания рождений с помощью абортов, перешедшего в бесплодие.

В программе советских переписей населения не было вопроса о числе рожденных детей, поэтому для изучения бездетности демографы не могли использовать данные сплошного учета и ограничились разработкой материалов серии выборочных обследований рождаемости ЦСУ СССР, проведенных в 1960 и 1967 годах. Эти два крупнейших советских исследования показали, что infertility женщин разных поколений, состоявших в браке более 10 лет, колеблется от 3 до 7% в зависимости от возраста вступления в брак и в среднем близка к 5% [14, с. 94].

Один из главных выводов российского демографа Р.И. Сифман, изучающей рождаемость в СССР заключается в том, что infertility женщин, состоявших в браке, по поколениям существенно не менялась. Единственное повышение — в когортах 1915–1919 и 1920–1924 годов рождения, у которых из-за условий войны брак мог прерваться вскоре после его заключения, еще до того, как возникла первая беременность. Невысокие в среднем показатели infertility свидетельствуют о малой распространенности намеренной бездетности. Однако от поколения к поколению сокращалась доля многодетных женщин и росла доля рожавших мало детей [14, с. 94]. По мнению Сифман, infertility советских женщин могла быть отчасти следствием физиологического бесплодия, часто вторичного, вызванного абортными, что было связано, очевидно, с недостаточным распространением эффективных

и легко доступных контрацептивов [14, с. 95].

Другим примером изучения бездетности в нашей стране может служить работа Л.Е. Дарского. На основании материалов выборочного обследования рождаемости, проведенного ЦСУ СССР в 1960 г., демографами была построена таблица плодovitости за период 1949–1959 гг. «По данным общей таблицы плодovitости, 9,1% женщин не родят ни одного ребенка за всю жизнь, 14,7% женщин родят только одного, 21,2% — двух, 16,8% — троих и только 38,2% женщин родят четверых и более детей» [8, с. 102]. Дарский признает этот уровень плодovitости средним, а данный процент бездетных — относительно большим.

Также были построены отдельные таблицы плодovitости для городского и сельского населения по трем группам территорий: с низкой (I), средней (II) и высокой (III) рождаемостью [8, с. 62] (табл. 2).

Таблица 2

Распределение женщин по числу рожденных детей к концу репродуктивного возраста по таблицам плодovitости для разных групп территорий, %

Территория		Доля женщин, родивших детей				
		0	1	2	3	4 и более
Город	I	5,23	16,4	29,8	23,5	25,1
	II	5,97	16	33,1	21,3	23,6
	III	4,6	10,5	21	21,1	42,8
Село	I	20,79	17,8	20,1	17,2	24,1
	II	14,48	14,1	15,3	16,8	39,3
	III	2,97	3,4	3,6	4,7	85,2

Источник: [8, с. 104].

Вариация долей ни разу не рожавших женщин оказывается очень велика в селах: от 3,0% в селах III группы до 20,8% в селах I группы. В городах же эта вариация относительно невелика: от 4,6% до 6% (табл. 2). Объяснение этому, согласно Дарскому, следует искать в разной демографической ситуации, сложившейся в городах и в сельской местности [8, с. 71].

Миграция в этот период была направлена из села в город и касалась в первую очередь наиболее мобильной части населения — холостых мужчин. Часто юноши, отслужив в вооруженных силах, не возвращались на село, а оседали в городе, где бурное развитие промышленности и строительства требовало много рабочих рук. Кроме того,

большой отток мужчин из села происходил в результате набора в различные учебные заведения и т. п. [8, с. 71]. Таким образом, на селе миграционные потоки усугубляли демографические последствия войны.

Сопоставив доли ни разу не рожавших женщин по таблицам плодovitости с долей не вступивших в брак женщин по таблицам брачности, Дарский делает очень важный вывод, что доля первых определялась в основном интенсивностью брачности, а не уровнем и структурой плодovitости как таковой [8, с. 105] (см. табл. 3).

Таблица 3

Соотношение доли ни разу не рожавших женщин с долей не вступающих в брак, %

Территория	Доля ни разу не рожавших	Доля не вступавших в брак	Соотношение долей	Разность долей	
Город	I	5,23	3,67	142	1,56
	II	5,97	4,56	131	1,41
	III	4,6	3,94	117	0,66
Село	I	20,79	21,73	97	-0,94
	II	14,48	15,27	95	-0,79
	III	2,97	3,69	80	-0,72

Источник: [8, с. 105].

И.П. Ильина, изучавшая влияние войн на брачность советских женщин, писала, что оно было сильнее в сельской местности, поскольку для городов характерны концентрация военнослужащих, система «брони» для мужчин, работающих на военных предприятиях и в некоторых гражданских учреждениях. В селах же обычно все мужчины призывного возраста, за исключением единиц, подлежали мобилизации. Но главное, что крупные войны не только затрудняют процесс послевоенной компенсации брачности, но еще долго негативно сказываются на ней вследствие нарушения половозрастной структуры населения. Перепись 1939 года показала значительное нарушение половой пропорции в поколениях, взятых с пятилетним сдвигом, что было, главным образом, результатом падения рождаемости в годы Первой мировой и Гражданской войн [11, с. 50].

Падение рождаемости в стране в конце 1920-х – начале 1930-х гг. было связано с коренными социально-экономическим преобразованиями — индустриализацией, интенсивной миграцией в город, коллективизацией сельского хозяйства. Большое значение также имела

политика большевиков, направленная на изменение положения женщины и вообще отношений в семье.

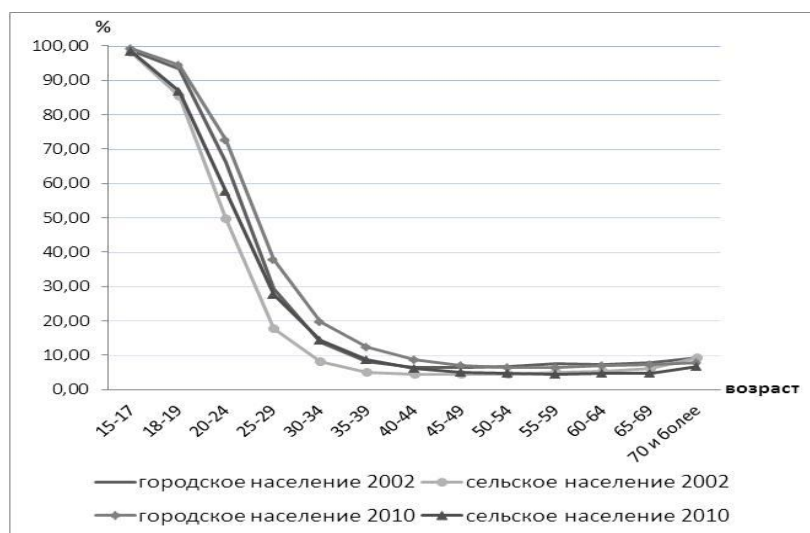
Великая Отечественная война, с одной стороны, нарушила половую пропорцию у ровесников, которая перед войной приблизительно соответствовала норме. Вместе с тем усугубила диспропорцию полов в соседних возрастных группах мужчин и женщин, которая присутствовала еще в 1939 г. как следствие некоторых других исторических событий: в одних случаях уже существовавший недостаток мужчин резко усилился, в других — избыток мужчин сменился их недостатком. По окончании войны сложилась резкая диспропорция полов. Большому числу незамужних женщин (не успевшим вступить в брак до войны, вдовам военных лет, разведенным) противостоит ограниченное количество бракоспособных мужчин, что уменьшает шансы вступить в брак для женщин [11, с. 50]. Таким образом, война вызвала повышение среднего возраста вступления в брак и увеличение доли окончательно оставшихся вне брака для женщин, потенциальные партнеры которых погибли.

О том, что происходило в дальнейшие годы, мы можем судить только с помощью анализа результатов переписей населения и репрезентативных обследований. Так, основываясь на результатах переписей населения 2002 и 2010 годов, мы попытались оценить уровень бездетности среди женщин разных поколений и выявить ее причины. Перепись 2002 г. охватывала поколения, которые в 2010 г. уже не фигурировали в отдельной возрастной группе, поэтому сравнение соответствующих показателей позволяет судить о происходящих переменах. В выборочной части переписи женщины в возрасте 15 лет и старше должны были ответить на вопрос: «Сколько детей вы родили?». Ответы на этот вопрос позволяют сопоставлять рождаемость у разных поколений женщин, достигших возраста 35 лет, а с некоторыми доисчислениями — и для более молодых [4].

Итак, имея распределение женщин по числу рожденных детей к определенному возрасту, мы подсчитали долю бездетных жительниц города и села в каждой возрастной группе (рис. 1).

Мы можем наблюдать, что среди женщин, вышедших из репродуктивного возраста, доля бездетных не превысила 10% как в городской, так и в сельской местности. Но вероятнее всего, следующая перепись населения покажет, что доля окончательно бездетных в России превысит 10%-ный рубеж. Изучая поколенческую динамику бездетности, можем смело утверждать, что среди женщин, находящихся на момент переписи в старших репродуктивных возрастах, доля бездетных выше, чем в предыдущих поколениях. Вероятнее всего, это

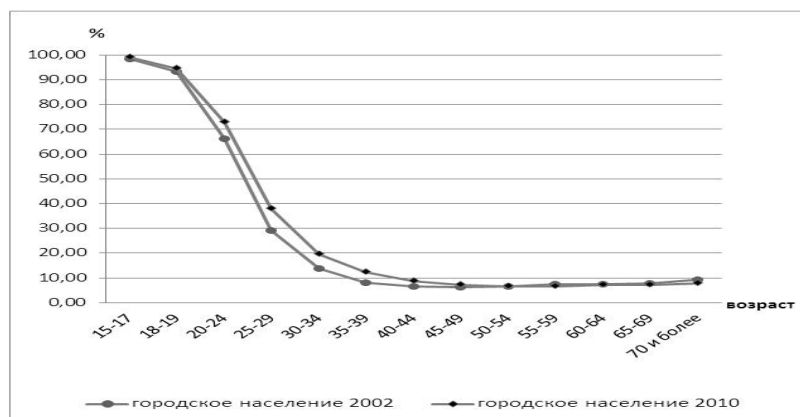
будет первое поколение российских женщин, среди которых намеренный отказ от рождения детей впервые будет занимать заметное место среди причин бездетности.

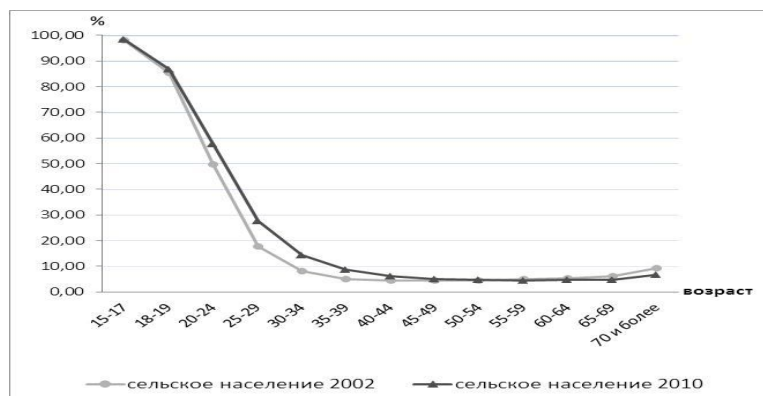

Источник: расчеты автора на основе опубликованных данных переписей населений 2002, 2010 гг.

Рис. 1. Распределение бездетных жительниц города и села по возрастным интервалам, 2002 и 2010 гг., %

В 2010 г., по сравнению с 2002-м, доля бездетных женщин в старших возрастах репродуктивного периода была выше — и в городах, и в сельской местности (см. рис. 2, 3). Необходимо отметить, что в среднем доли бездетных в 2002 и 2010 гг. различаются, начиная с двадцатилетнего возраста. Эта тенденция, с одной стороны, отражает сдвигание первых рождений на более старшие возрасты, но с другой стороны — рост числа окончательно бездетных женщин.

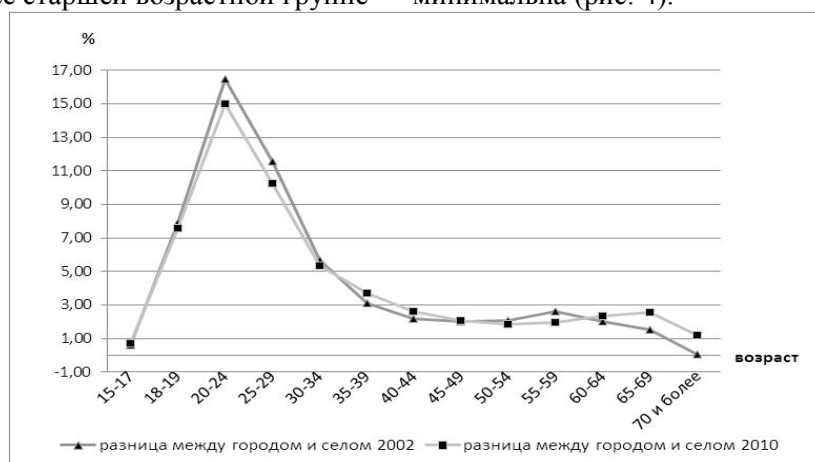

Источник: расчеты автора на основе опубликованных данных переписей населений 2002, 2010 гг.

Рис. 2, 3. Доля бездетных женщин в городской и сельской местностях по разным возрастным группам, 2002 и 2010 гг., %

Доля бездетных женщин в городах всегда была больше, чем в селах. Однако среди женщин 40 и более лет разница между горожанками и сельчанками по данному показателю не существенна, а в наиболее старшей возрастной группе — минимальна (рис. 4).

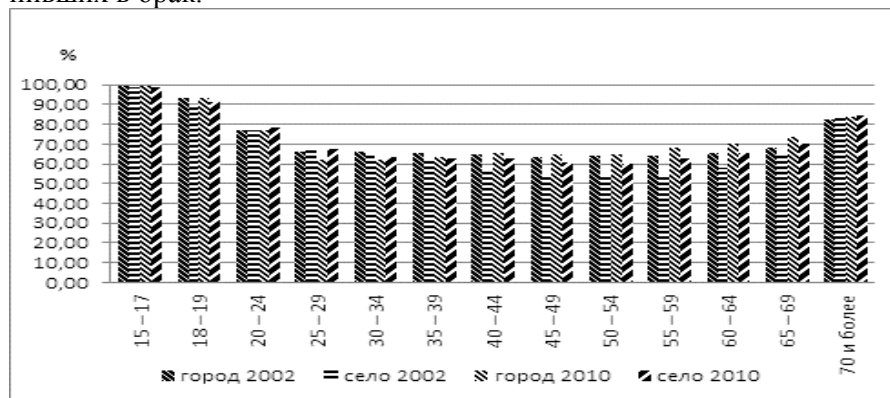

Источник: расчеты автора на основе опубликованных данных переписей населений 2002, 2010 гг.

Рис. 4. Разница в долях бездетных женщин по возрастным интервалам между городским и сельским населением, 2002 и 2010 гг., %

Наибольшая разница между городским и сельским населением обнаруживается в наиболее активных репродуктивных возрастах 20–24 и 25–29 лет. Это позволяет утверждать, что в городах обзаведение потомством откладывают гораздо чаще и что средний возраст рождения первенца выше.

Проанализировав изменения в брачном и репродуктивном поведении в течение достаточно длительного времени, мы увидели, что максимальный уровень бездетности в нашей стране исторически был связан прежде всего с безбрачием (и, вероятно, с бесплодием в браке). Своими расчетами мы подтверждаем тесную взаимозависимость бездетности и безбрачия. На рисунке 5 приведено распределение по возрастным группам бездетных женщин, не состоящих при этом в браке. Прежде всего отметим, что таких женщин на момент опроса насчитывалось более 50%. В самой старшей возрастной группе наблюдается наиболее низкий уровень брачности. Это может быть, с одной стороны, следствием овдовения, с другой стороны, вероятно и то, что именно в этом поколении больше всего женщин, не вступивших в брак.

Источник: расчеты автора на основе опубликованных данных переписей населения 2002, 2010 гг.

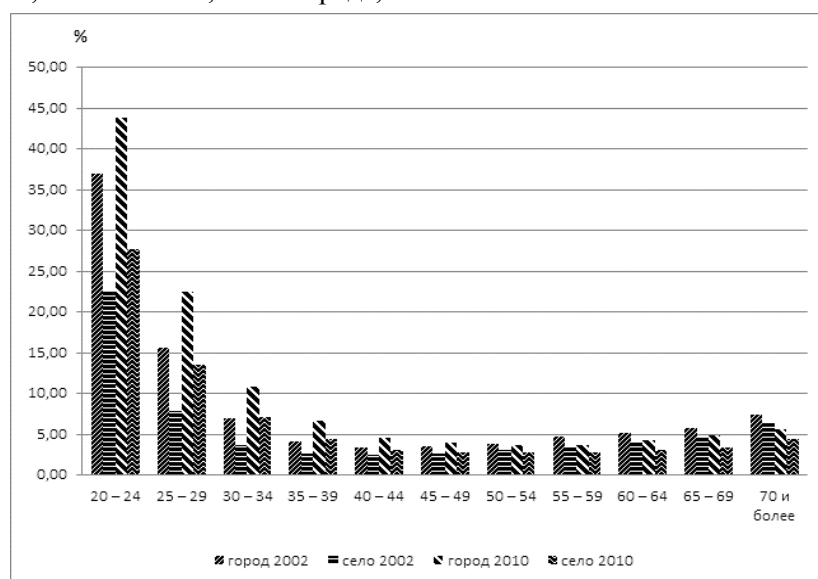
Рис. 5. Распределение женщин, никогда не состоявших в браке, среди бездетных жительниц города и села разных возрастных групп, 2002 и 2010 гг., %

Изучение бездетности в историческом ключе немислимо без тесной увязки с так называемой модернизацией рождаемости, под которой понимается не только переход от одной количественной модели к другой, но и трансформация системы социокультурных регуляторов рождаемости, действующих в обществе [10, с. 20]. Так, к качественным критериям модернизационных изменений относят: разделенность трех видов поведения — сексуального, матримониального и репродуктивного — и эффективность индивидуального контроля над плодovitостью, позволяющую иметь желанного ребенка в желательные сроки [10, с. 20].

Брачное и репродуктивное поведение в послевоенные годы отличалось от того, что было в первой половине XX в., когда, с большой долей вероятности, бездетная женщина никогда не состояла в браке.

Взаимосвязь очень многих социальных, экономических, демографических факторов обусловила складывание иного сценария жизненного цикла новых поколений советских мужчин и женщин. Послабление социальных норм относительно внебрачной рождаемости, увеличение числа одиноких матерей, повторных браков, разводов — всё это делало мораль по отношению к внебрачным связям менее жесткой. Хотя такие отношения осуждались, женщины могли в них рожать и воспитывать детей.

Какова же картина бездетности замужних женщин? Если сравнивать распределение по переписям 2002 и 2010 гг., наиболее заметная доля бездетных в браке — среди молодых женщин в городах, что говорит о более распространенном откладывании рождения детей (см. рис. 6). Если же сравнивать женщин одного и того же возраста, то мы можем говорить о когортном эффекте: в группах от 30 лет доля бездетных в браке женщин в 2010 г. была больше практически в два раза, чем в 2002-м, как в городе, так и на селе.

Источник: расчеты автора на основе опубликованных данных переписей населения 2002, 2010 гг.

Рис. 6. Доля бездетных среди состоящих в браке жительниц города и села, 2002 и 2010 гг., %

В целом видна тенденция увеличения числа бездетных женщин, состоящих в браке, чей репродуктивный период близится к завершению (35–39, 40–44, 45–49). В то же время перепись 2002 г., охватившая поколения женщин, которые в 2010-м уже менее представлены, демонстрирует более высокий процент женщин, которые остались бездетными. Таким образом, можем сделать вывод, что среди женщин,

рожденных с 1930-х по 1950-е гг., не только многие остались бездетными по причине безбрачия, но и процент бесплодных браков был высоким (или продолжительность браков была незначительной).

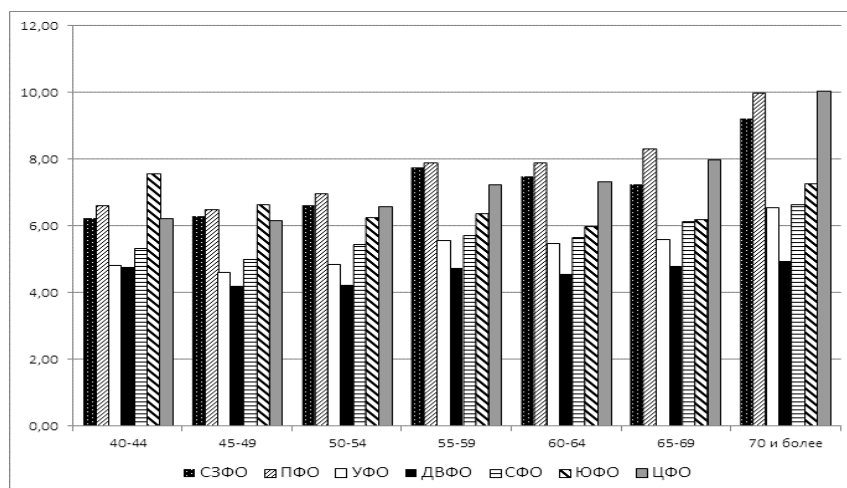
Рост уровня образования и культуры людей, особенно при быстрой урбанизации, политика советского правительства по защите материнства и детства, несомненно, привели к положительным изменениям в сфере деторождения. Отмена запрета аборт, существовавшего в 1936–1955 гг., позволила женщинам делать их в медучреждениях и избегать осложнений, приводящих к бесплодию. Сами операции совершенствовались и становились все более щадящими. Лечение бесплодия также становилось более эффективным. Появление средств контрацепции позволяло молодым девушкам избегать абортов, что также сокращало риски бесплодия. Эффективные средства были доступны не многим, поэтому говорить об их широком использовании не приходится. Тем не менее, во второй половине XX в. появилась возможность, имея постоянные сексуальные отношения и прилагая минимальные, но постоянные усилия, оставаться бездетными по своему желанию.

Обратимся теперь к региональной специфике феномена бездетности. Во всех федеральных округах России мы выделили регионы с максимальной и минимальной долей бездетных женщин в возрастных группах от 40 лет и старше. Поскольку эти показатели довольно сильно различались, для сравнительной работы мы решили брать средние значения по федеральным округам.

Мы видим достаточно заметную дифференциацию во всех возрастных группах женщин, и чем выше уровень бездетности, тем выше различие в средних показателях между федеральными округами (рис. 7). Отметим, что максимальные доли бездетных во всех возрастных группах женщин были в Центральном, Приволжском и Северо-Западном округах. По остальным федеральным округам доля бездетных практически не превышала 7% во всех возрастных интервалах. Однако в группе самых молодых женщин доля бездетных заметно выше в Южном и в Северо-Западном округах по сравнению с остальными округами. Минимальный разброс значения по округам был среди женщин в возрасте 55–59 лет, то есть рожденных в 1943–1947 гг.

Доля бездетных женщин в группах 60–64 лет и старше увеличивается, в то же время и различия в уровне бездетности между регионами заметнее. Если в Приволжском и Центральном округах практически одинаково высокая доля бездетных женщин, то в Дальневосточном округе она минимальна. Группа 70-ти и более лет в наибольшей степени иллюстрирует наличие других, демографических, факторов в складывании такой дифференциации. Регионы с высоким уровнем бездетности сильно пострадали во время Великой Отечественной войны,

перенесли голод, сильные социальные и экономические потрясения. А на Дальнем Востоке, как и в других сырьевых регионах, существовала благоприятная для женщин гендерная диспропорция, что было связано с его экономическим развитием в последние 50 лет.

Примечание: СЗФО — Северо-Западный федеральный округ, ПФО — Приволжский федеральный округ, УФО — Уральский федеральный округ, ДВФО — Дальневосточный федеральный округ, СФО — Сибирский федеральный округ, ЮФО — Южный федеральный округ, ЦФО — Центральный федеральный округ.

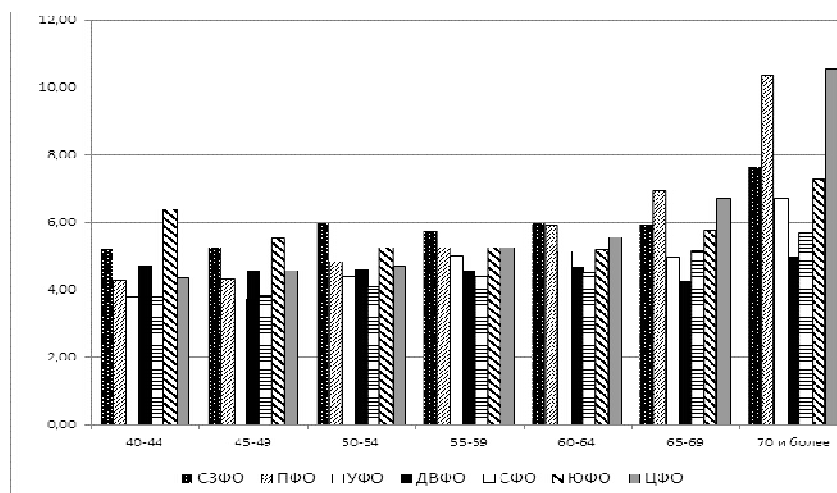
Источник: расчеты автора на основе опубликованных данных переписи населения 2002 г.

Рис. 7. Распределение доли бездетных жительниц города по федеральным округам России, 2002 г., %

Анализируя долю бездетных женщин в целом по стране, мы констатировали, что уровень окончательной бездетности не превышал 10%. Однако «региональный» подход позволил увидеть, что этот уровень все-таки превысил 10% — среди женщин старше 70 лет в Приволжском и Центральном округах в сельской местности (рис. 8). Это еще раз подтверждает тот факт, что повышенная окончательная бездетность сельского населения имела причиной нарушенную половозрастную структуру, и безбрачие было основным фактором роста числа женщин, оставшихся бездетными. Среди женщин, рожденных в 1930-х годах и ранее в Приволжском и Центральном округах, доля бездетных практически в два раза выше, чем на Дальнем Востоке. Но совершенно иная картина в группах женщин 40–44 и 45–49 лет: довольно высокий процент бездетных в Южном округе, и при этом довольно низкий — во всех остальных. Данный вопрос требует

дальнейшего изучения, но и в этом случае основной причиной бездетности служит безбрачие.

Таким образом, проанализировав динамику изменений рождаемости и бездетности в России, мы можем смело утверждать, что основной причиной последней в течение длительного исторического периода выступает безбрачие. Вплоть до начала XX века в нашей стране была ранняя и всеобщая брачность, и доля окончательно бездетных была очень мала, затем, в первой половине XX века, в результате социально-исторических перемен демографическое поведение изменилось. Люди стали позже вступать в брак и откладывать обзаведение потомством. Миграционные движения, происходившие в ходе индустриализации страны, приводили к разлукам супругов, что также могло повлиять на увеличение временной бездетности женщин.

Примечание: СЗФО (Северо-Западный федеральный округ), ПФО (Приволжский федеральный округ), УФО (Уральский федеральный округ), ДВФО (Дальневосточный федеральный округ), СФО (Сибирский федеральный округ), ЮФО (Южный федеральный округ), ЦФО (Центральный федеральный округ)

Источник: расчеты автора на основе опубликованных данных переписи населения 2002 г.

Рис. 8. Распределение доли бездетных жительниц села по федеральным округам России, 2002 г., %

Рост доли бездетных женщин в когортах, родившихся в первых десятилетиях XX в., существенно превысил уровень первичного физиологического бесплодия. Демографы объясняют это нарушениями половозрастной структуры населения, которые были вызваны социальными потрясениями и, соответственно, неблагоприятной ситуацией

на «брачном рынке», а возможно, и изменением возраста вступления в первый брак. Анализ окончательной бездетности женщин 1930–1960 годов рождения по результатам переписей населения 2002 и 2010 годов также показал, что в среднем около 6–7 % женщин в каждом поколении оставались бездетными, и около 60% бездетных женщин в каждой из когорт никогда не состояли в браке. Что касается поколений женщин, чей репродуктивный период близок к завершению, то, по оценке Института демографии НИУ ВШЭ, для России ожидаемый уровень окончательной бездетности для поколений 1970-х годов рождения будет составлять 10–15% [2, с. 253].

Долгое время в демографической истории бездетность была следствием главным образом безбрачия, но в XX веке, полном социальных и экономических трансформаций, складывается принципиально иная демографическая картина, включающая и «вынужденную» бездетность, и возможности преодоления её с помощью репродуктивных технологий (или медицинскими средствами), и добровольную бездетность. Оценка доли женщин, не решившихся в своей жизни на рождение даже единственного ребенка, поможет предвидеть дальнейшую динамику показателей рождаемости в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борисов В.А.* Перспективы рождаемости. М.: Статистика, 1976. — 248 с.
2. *Вишневский А.Г.* Модернизация рождаемости // Демографическая модернизация России 1900–2000. М.: Новое издательство, 2006. С. 149–257.
3. *Вишневский А.Г., Кон И.С.* Брачность, рождаемость, семья за три века. М.: Статистика, 1979. — 183 с.
4. *Вишневский А. Г.* Перепись населения: взгляд демографа // Экономика России: XXI век. 2002. № 9 [электронный ресурс]. Дата обращения: 11.01.2013. URL: <http://www.ruseconomy.ru/nomer9_200210/ec14.html>.
5. *Вишневский А.Г.* Семья эволюирует // Иностранная литература. 2011. № 5. С. 20–32.
6. *Вишневский А.Г.* Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Под ред. А.Г. Вишневского. М.: Статистика, 1977. С. 105–127.
7. *Дарский Л.Е.* Демографический энциклопедический словарь / Гл. ред. Д.И. Валентей. М.: Советская энциклопедия, 1985. — 608 с.
8. *Дарский Л.Е.* Формирование семьи. М.: Статистика, 1972. — 208 с.
9. *Диксон Р.* Колебания возраста вступления в брак и доли никогда не состоявших в браке в странах разных культур // Брак и семья / Под ред. А.Г. Волкова, Л.Е. Дарского. М.: Статистика, 1975. С. 30–47.
10. *Захаров С.В.* Рождаемость в России: первый и второй демографический переход // Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России. Тезисы докладов. Научная конференция. Москва, 27–28

- февраля 2002 г. М.: ЦДЭЧ ИНП РАН, Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. С. 19–26.
11. *Ильина И.П.* Влияние войн на брачность советских женщин // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Статистика, 1977. С. 50–61.
 12. *Миронов Б.Н.* Демографические процессы и начало демографического перехода // Социальная история России. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 158–209.
 13. *Миронов Б.Н.* Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Статистика, 1977. С. 83–104.
 14. *Сифман Р.И.* Динамика рождаемости в СССР (по материалам выборочных обследований). М.: Статистика. 1974. — 183 с.
 15. *Тольц М.* Брачность населения России в конце 19 – начале 20 века // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Статистика, 1977. С. 138–153.
 16. *Урланис Б.Ц.* Динамика уровня рождаемости в СССР за годы советской власти // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Статистика, 1977. С. 8–28.
 17. *Хаджнал Дж.* Европейский тип брачности в ретроспективе // Брачность, рождаемость, семья за три века / Под ред. А.Г. Вишневого и И.С. Кона. М.: Статистика, 1979. С. 14–66.
 18. *Morgan S.* Late nineteenth- and early twentieth century childlessness // *American Journal of Sociology*. 1991. No. 97. P. 779–807.
 19. *Rowland D.T.* Historical trends in childlessness // *Journal of Family Issues*. October 2007. Vol. 28. P. 1311–1337.

Дата поступления: 15.02.2014.

R.T. FAKHRISLAMOVA

Fakhrislamova Rozaliia Tashtimerovna — postgraduate, Institute of Demography of the National Research University Higher School of Economics.

Address: 1/428 Davidova Str., VNIISOK, Odincovo district, Moscow region, Russia, 143080. **Phone:** +7 (916) 809-93-96. **Email:** rfakhrislamova@gmail.com

THE PHENOMENON OF CHILDLISSNESS IN RUSSIA: HISTORICAL AND SOCIAL BACKGROUND

Abstract. Over the past 200 years, the birth rate in our country has undergone major changes; as a result the study of the childless as a population group is of considerable interest to researchers. The aim of this work is a study of female childlessness as a social phenomenon, the causes and conditions of its dissemination in Russian society. Thanks to the works of social historians, medical doctors and demographers the essence of the phenomenon of childlessness in Russia has been described. Using the population Census 2002 and 2010, we have traced the evolution of the percentage of the childless among the women of different ages and generations.

As the analyses has shown, there have always been such women, however their number changed as well as the attitudes towards them in society, and the reasons for childlessness. In any generation, in different epochs celibacy was the main reason, but the role of this factor has varied throughout the demographic history. The problem of female childlessness in modern Russia has a tendency to rise, particularly in urban areas. In addition, we found a regional differentiation in the level of childlessness, which once again demonstrates the diversification of its causes and effects. In the second half of the 20 century the influence of demographic factors (war, famine, social and economic turmoil) at the level of childlessness was virtually phased out. Development of reproductive medicine, gynaecology, infertility treatment effectively increased the number of women who gave birth to children. At the present stage, there has been an increase in the number of the voluntarily childless, that may be a reflection of both the interim and final individual choice.

Keywords: childlessness, celibacy, fertility, marriage rate.

REFERENCES

1. Borisov V.A. Perspektivy rozhdaemosti. M.: Statistika, 1976. — 248 s.
2. Vishnevskij A.G. Modernizacija rozhdaemosti. Demograficheskaja modernizacija Rossii 1900–2000. Moskva: Novoe izdatel'stvo, 2006. S. 149–257.
3. Vishnevskij A.G., Kon I.S. Brachnost', rozhdaemost', sem'ja za tri veka. Moskva: Statistika, 1979. — 183 s.
4. Vishnevskij A. G. Perepis' naselenija: vzgljad demografa. Jekonomika Rossii: HHI vek. 2002. № 9 [jelektronnyj resurs]. Data obrashhenija 11.01.2013. URL: <http://www.ruseconomy.ru/nomer9_200210/ec14.html>.
5. Vishnevskij A.G. Sem'ja jevoljuiruet. Inostrannaja literatura. 2011. № 5. S. 20–32.
6. Vishnevskij A.G. Rannie jetapy stanovlenija novogo tipa rozhdaemosti v Rossii. Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR. [Pod red. A.G. Vishnevskogo]. Moskva: Statistika, 1977. S. 105–127.
7. Darskij L.E. Demograficheskij jenciklopedicheskij slovar'. [Gl. red. D.I. Valentej]. Moskva: Sovetskaja jenciklopedija, 1985. — 608 s.
8. Darskij L.E. Formirovanie sem'i. Moskva: Statistika, 1972. — 208 s.
9. Dikson R. Kolebanija vozrasta vstuplenija v brak i doli nikogda ne so-stojavshih v brake v stranah raznyh kul'tur. Brak i sem'ja. [Pod red. A.G. Volkova, L.E. Darskogo]. Moskva: Statistika, 1975. S. 30–47.
10. Zaharov S.V. Rozhdaemost' v Rossii: pervyj i vtoroj demograficheskij perehod. Demograficheskaja modernizacija, chastnaja zhizn' i identichnost' v Rossii. Tezisy dokladov. Nauchnaja konferencija. Moskva, 27–28 fevralja 2002 g. Moskva: CDJeCh INP RAN, Institut jetnologii i antropologii RAN, 2002. S. 19–26.
11. Il'ina I.P. Vlijanie vojn na brachnost' sovetskih zhenshhin. Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR. [Pod red. A.G. Vishnevskogo]. Moskva: Statistika, 1977. S. 50–61.
12. Mironov B.N. Demograficheskie processy i nachalo demograficheskogo perehoda. Social'naja istorija Rossii. T. 1. Sankt-Peterburg.: Dmitrij Bulanin, 2000. S. 158–209.

13. Mironov B.N. Tradicionnoe demograficheskoe povedenie krest'jan v XIX — nachale XX v. Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR. [Pod red. A.G. Vishnevskogo]. Moskva: Statistika, 1977. S. 83–104.
14. Sifman R.I. Dinamika rozhdaemosti v SSSR (po materialam vyborochnyh obsledovanij). Moskva: Statistika. 1974. — 183 c.
15. Tol'c M. Brachnost' naselenija Rossii v konce 19 – nachale 20 veka. Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR. [Pod red. A.G. Vishnevskogo]. Moskva: Statistika, 1977. S. 138–153.
16. Uralnis B.C. Dinamika urovnja rozhdaemosti v SSSR za gody sovetskoj vlasti. Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR. [Pod red. A.G. Vishnevskogo]. Moskva: Statistika, 1977. S. 8–28.
17. Hadzhnal Dzh. Evropejskij tip brachnosti v retrospective. Brachnost', rozhdaemost', sem'ja za tri veka. [Pod red. A.G. Vishnevskogo i I.S. Kona]. Moskva: Statistika, 1979. S. 14–66.
18. Morgan S. Late nineteenth- and early twentieth century childlessness. *American Journal of Sociology*. 1991. No. 97. P. 779–807.
19. Rowland D.T. Historical trends in childlessness. *Journal of Family Issues*. October 2007. Vol. 28. P. 1311–1337.

Received: 15.02.2014.